

У себя в плену

«Куклы» в Театре на Юго-Западе

Павел Руднев

Студийное театральное движение, стоявшее весь XX век в авангарде искусства, к концу столетия ослабило позиции: эксперимент – удел стабильных эпох. 25-летний Театр на Юго-Западе за отказ от студийного статуса заплатил немалой кровью. Об этом, собственно говоря, и сделана новая работа Валерия Беляковича – о взрослении театра и крушении иллюзий. «Куклы» – спектакль исповедальный, даже в чем-то истеричный в признании самых жестоких истин развития искусства.

Студии должны развиваться в профессиональные театры, теряя свою главную прелесть – бодрый дух самостоятельности и идеологию безответственного детства. Лет пять назад Театр на Юго-Западе понял, что «засиделся в девках», потребовал гормональных изменений, взяв которые было неоткуда. С этой внутренней эволюцией была, очевидно, связана последняя тяжелая пятiletка, когда большинство премьер можно было списывать в «провалы».

Валерий Белякович метался, ставил и новую драму, и старую, переписывал Шекспира и Брехта и, наверное, сильно мучился от того, что театр погибает без нового здания с просторной сценой взамен старого, наскучившего подвала. Мобилизовавшись, Белякович выпустил «Кукол», рубежный спектакль, о котором тут же стала шуметь театральная молва.

Поставлена пьеса 1921 года «Сеньор Пигмалион» испанского драматурга Хасинто Грау с характерным для эпохи конструктивизма сюжетом о механических куклах и невиданным для тех времен призраком глобализации. Американская театральная компания режиссера Пигмалиона терроризирует Европу хорошо отпиаренными атаками кукольных представлений, собирающих невероятные аншлаги и заставляющих закрываться традиционные театры. Куклы из искус-

ственных волокон неотличимы от людей, мыслят, разговаривают, взаимодействуют, эмоции передают как электрический разряд. Их «карабас» Пигмалион – буино помешанный художник, сублимирующий в своем успехе неудачи юности, когда он был вынужден променять отвергший его мир людей на свой «кукольный домик», – торжествует.

Об актерском таланте Валерия Беляковича ходят легенды. Премьер своей труппы, он появляется на подмостках, чтобы выразить нечто существенное, как Мировая Душа, являющаяся в мир раз в сто лет. В «Куклах» актера на главную роль ждуть весь спектакль, и он должен явиться как спецэффект. В то время как Пигмалион является дважды – и дважды инфер-

ется от идеи «режиссерского театра». На его лице настоящие слезы – кредо Театра на Юго-Западе исчерпано, театр как авторская идея умер, остался только «театр для людей», «живая труппа», театр без насилия, превратившийся в фабрику по производству спектаклей. Когда режиссер начинает читать монолог Клавдия «На мне печать древнейшего проклятия – убийство брата», становится совсем не по себе. Разоблачаясь перед зрителем и собственной труппой, Белякович признается в «убийстве» не только братьев-актеров, но и собственного брата Сергея Беляковича, покинувшего юго-западную труппу. И совершенно ясно, что без скоростной смерти Виктора Авилова этот спектакль бы не вышел.

Без скоростной смерти Виктора Авилова этот спектакль бы не вышел

нальный мастер, зловещий кукловод обманывает публику, подсылает обученных кукол вместо себя, чтобы эффектно выйти на 5 минут в финале и закрыть театр, разочаровавшись в «пластмассовом мире» своих созданий. Мистификация закончилась саморазоблачением без хеппи-энда. «Самосожжение Валерия Беляковича» – следовало бы назвать этот спектакль.

О чем же говорит Белякович – явно от своего имени, сближая свой опыт с опытом одержимого кукловода? Идея театра – переиначить мир искусством – ушла в небытие вместе с энтузиазмом первооткрывательства. Пигмалион устал ждать от кукол, когда они «заговорят», и отпускает актеров на волю, посвящая театр людям, но не марионеткам. «Тогда меня испепелял огонь Создателя, а теперь я опустошен» – Белякович отказыва-

ется от идеи «режиссерского театра». На его лице настоящие слезы – кредо Театра на Юго-Западе исчерпано, театр как авторская идея умер, остался только «театр для людей», «живая труппа», театр без насилия, превратившийся в фабрику по производству спектаклей. Когда режиссер начинает читать монолог Клавдия «На мне печать древнейшего проклятия – убийство брата», становится совсем не по себе. Разоблачаясь перед зрителем и собственной труппой, Белякович признается в «убийстве» не только братьев-актеров, но и собственного брата Сергея Беляковича, покинувшего юго-западную труппу. И совершенно ясно, что без скоростной смерти Виктора Авилова этот спектакль бы не вышел.

Никогда не писавший театральные манифестов, Белякович превратился в театрального мудреца, задумавшегося над долговечностью театральной идеи и вопросом о праве режиссера на власть над людьми. Но это поступок еще и педагога, потерявшего нить общения с учениками. В «Куклах» собраны сливки труппы – Карина Дымонт, Олег Леушин, Валерий Афанасьев, Анатолий Иванов, Алексей Ванин, Владимир Коппалов.

Интересно, как будет развиваться этот театр дальше. Сможет ли режиссер вывести театр из тупика, если вопрос о существовании конкретной труппы вынесен на публичное обсуждение. Кризис театра изобретательный Белякович превратил в театральное событие.

Павел Руднев – театральный критик, кандидат искусствоведения.